

В. Н. ЯРЦЕВА

О КУРСЕ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Курс «История языкознания» играет важную роль в процессе лингвистической подготовки молодых специалистов на филологических факультетах университетов. Для языковеда, как и для каждого специалиста, необходима осведомленность в истории развития той области знания, в которой он работает. Это помогает ему использовать материалы, накопленные наукой прошлого, и дает возможность критически оценивать различные объяснения одного и того же языкового факта, выдвигавшиеся в различные периоды истории науки о языке.

Так, языковед, заинтересовавшийся проблемами исторической лексикологии, сталкивается с целым рядом написанных западноевропейскими лингвистами работ, в которых излагается история отдельных слов или отдельных лексических пластов. В трудах сторонников так называемой школы «*Sachen und Wörter*» он встретит перечень слов, появившихся в связи с изменениями в культуре и быте народа, но не найдет структурного и семантического анализа, объясняющего те факты преобразования лексики, которые зависят от действия внутренних законов развития данного языка. В книгах и статьях, вышедших из-под пера исследователей, стоявших на позициях младограмматизма, «жизнь слов» (т. е. исторические изменения в слове) трактуется как путь потерь и пополнений словаря, предопределяемый психологическими законами ассоциации и апперцепции¹. Последователи Трира аналогичные явления лексики рассматривают с точки зрения теории семантического поля. Таким образом, в зависимости от общетеоретической позиции того или иного лингвиста одни и те же факты лексики могут истолковываться по-разному, и чтобы понять основы этих истолкований, нужно знать историю лексикологии.

Изучение истории языкознания помогает студентам разбираться в фактах истории изучаемого языка, а также правильно оценить ту методологическую основу, на которой строятся используемые ими учебные материалы. Это особенно важно для специализирующихся в области западноевропейских языков. Ведь большинство сводных работ по исторической грамматике и фонетике западноевропейских языков и целый ряд частных исследований, не утративших своей ценности до настоящего времени, написаны младограмматиками. Таковы, например, в области истории английского языка работы Суита, Льюиса, Горна, Райта, Брэдли, Бруннера и

¹ См. работы К. Ниропы «Жизнь слов» (K. N y r o p, *Das Leben der Wörter*, Leipzig, 1923) и А. Дармстедера «Жизнь слов, изучаемая в их значениях» (A. D a r m e s t e d e r, *La vie des mots étudiée dans leurs significations*, 5 éd., Paris, 1899).

многих других. Богатые фактическими сведениями, эти работы полезны каждому специалисту, работающему в области английского языка, но вместе с тем их плодотворное использование возможно лишь при понимании того, как методологические позиции их авторов определяют не только объяснение исследуемых ими фактов строя английского языка и его истории, но и самый выбор рассматриваемых фактов.

Для правильной организации системы вузовского образования необходимо, с одной стороны, четко определить целевую установку и содержание каждого из читаемых курсов и, с другой стороны, учитывать их взаимосвязь и, следовательно, ясно представлять себе место, занимаемое данным курсом в кругу других смежных с ним дисциплин. Связи курса «История языкознания» с другими курсами разнообразны. Дисциплины, сопредельные «Истории языкознания», можно разделить на три группы: общественно-политические; теоретико-лингвистические; дисциплины, относящиеся к специальности слушателя.

При анализе соотношений курса «История языкознания» с третьим циклом дисциплин возникает очень важный вопрос — вопрос о специализации этого курса. Если знание истории развития лингвистических взглядов должно помогать специалисту в критической оценке и правильном использовании материалов по его специальности, то не лучше ли курс «История языкознания» максимально специализировать, иначе говоря: читать этот курс отдельно для русистов, отдельно для востоковедов, отдельно для романо-германистов? Ведь именно в этом случае можно гарантировать наибольшее привлечение иллюстраций из истории той или иной частной филологии, а также оперирование языковыми примерами, понятными для учащегося. Не превращая этот курс в историю частной филологии, вполне возможно показать, как преломлялись одни и те же лингвистические идеи в каждой стране и как специфика этого преломления объяснялась конкретной исторической обстановкой в данной стране.

Иллюстрируем это положение показом того, как борьба между сторонниками универсальной рационалистической грамматики, всецело подчиненной логике, и сторонниками эмпирической грамматики, учитывающей факты живого языка, протекала в Англии, Франции и России, и, следовательно, каким образом знание истории лингвистических воззрений помогает правильно понять и оценить факты истории данного языка. В зависимости от состава слушателей лектор может использовать тот или иной пример.

Известно, что в Англии в XVII—XVIII вв. появилось огромное количество грамматик английского языка, описывающих нормы языка того времени. В некоторых из них делалась попытка установить закономерности развития английского языка. Для нас эти работы ценны прежде всего тем, что позволяют выяснить особенности языка XVII—XVIII вв. и вместе с тем показывают, какие языковые явления воспринимались современниками как устоявшиеся и распространенные, а какие оценивались в указанных грамматиках как «неправильные», т. е. как уже в какой-то мере выпадавшие из системы языка — либо вследствие того, что они являлись архаизмами, либо потому, что их существование в литературном языке не было узаконено достаточно широким употреблением.

Оказывается, однако, что одни и те же факты английского языка квалифицируются в грамматиках этого периода по-разному. Например, Вебстер (N. Webster, A grammatical institute of the english language, Part II, Hartford, 1784) защищал употребление формы *you was*, но Лоут (R. Louth, A short introduction to english grammar, London, 1762) и Пристли (J. Priestley, The rudiments of english grammar, London, 1761) допускали только форму *you were*. Лоут считал правильным упо-

требление винительного падежа местоимения в обороте типа *I don't like him doing that*, в то время как Вебстер допускал только родительный падеж в подобной конструкции (*I don't like his doing that*). Лоут возражал против двойного отрицания, еще употреблявшегося тогда в некоторой мере в английском языке², на том основании, что «два отрицания уничтожают одно другое и равняются утверждению», и т. д.

Знание истории лингвистических воззрений дает возможность понять основы разногласий по вопросам строя английского языка, имевших место в Англии XVII—XVIII вв., и правильно оценить их методологические корни. В многочисленных грамматиках английского языка, вышедших в XVII—XVIII вв., можно обнаружить проявление двух течений, определяемых философскими воззрениями эпохи. Если философский рационализм Декарта и Спинозы, утверждавших, что лишь разум может быть источником истинного знания, определил идею создания универсальной грамматики и грамматической схемы, точно отвечающей принципам логики, то эмпиризм Локка, считавшего основой познания чувственный опыт, в языкознании претворяется в стремление оценивать непосредственное языковое употребление, так как разум, по мнению грамматистов, стоявших на позициях эмпиризма, бессилен перед стихией живого языка. Отсюда в Англии конца XVII и XVIII в., с одной стороны, пишутся грамматики и статьи, в которых их авторы требуют кодификации языка на основе логических норм (Эвелин, Свифт, Аддисон, Прайор и др.) и организации соответствующих институтов, призванных следить за чистотой языка, с другой — в выступлениях сторонников эмпирического направления (Хоуэлла, Олдмиксона, Брайтлэнда, Гринвуда и др.) всячески подчеркивается важность «практики», «обычая» (usage, custom) в языке.

Борьба представителей двух вышеуказанных точек зрения проявлялась и в оценке возможности использовать схему латинской грамматики для описания строя английского языка. Эмпирики, отстаивая своеобразие стихии каждого языка, отрицательно относятся к влиянию латинского образца на построение грамматики живых языков. Так, Вильям Лоутон (W. Loughton, *Practical grammar of the english tongue*, London, 1734) восстает против норм латинской грамматики в применении к английскому языку, критикуя тех, кто «пробовал подчинить наш язык (противно его природе) методам и правилам латинской грамматики». Но у сторонников идеи универсальной грамматики не было никаких оснований бояться перенесения нормативов латинского языка на другие языки.

Лингвисты-рационалисты, стремившиеся создать грамматическую схему, соответствующую общечеловеческим категориям логики и в равной мере действительную для всех языков, часто пробовали доказать возможность существования такой схемы именно на материале латинского языка. Такова, например, универсальная философская грамматика Джона Уилкинса (J. Wilkins, *An essay towards a real character and a philosophical language*, London, 1668). Схема, выработанная на материале латинского языка, также осмысляемого чисто рационалистически, затем механически применялась к английскому языку. Логика и грамматика отождествлялись. Как мы видели выше, Лоут осуждал употребление двойного отрицания в английском предложении именно на основании его несовместимости с логикой.

Конечно, не все английские грамматики XVII — XVIII вв. представляют собой иллюстрацию указанных выше двух лингвистических течений, так сказать, в их «чистом виде». В большинстве грамматических трудов,

² Как известно, в современном английском языке может быть лишь один отрицательный элемент в предложении.

появившихся в Англии в XVIII в. (а их было издано в XVIII в. свыше полутора ста), мы находим известный компромисс двух описанных теорий. Следствие этого компромисса — непоследовательность в принципах объяснения языкового материала, в оценках фактов грамматики английского языка: живая струя «практики» переплетается с традиционными стандартами, почерпнутыми из латинской грамматики. Но тем важнее для специалиста-англиста понимать общелингвистические идеи, определившие позицию того или иного автора, освещение им того или иного факта языка, а это невозможно без хорошего знания истории науки о языке. Вот почему история языкознания оказывается тесно связанной со специальными курсами, посвященными вопросам истории и теории изучаемого студентом языка.

Факты, аналогичные приведенным выше из истории английской лингвистики, можно привести и из истории французского языкознания. Образование и развитие национального французского языка выдвинуло целый ряд проблем, актуальных для того времени. Во Франции XVI в. поэты Плеяды (Ронсар, Дюбелле и др.) выступали в защиту использования французского языка во всех литературных жанрах и стремились теоретически обосновать борьбу с латынью, формы обогащения лексики французского языка, построение грамматики национального языка. В связи с этим возникает вопрос о «правильности» в языке, которую некоторые ученые понимали как соответствие грамматики «разуму».

Другие же теоретики XVI в. придерживались принципов эмпиризма, считая нужным учитывать как при анализе фактов грамматики и лексики, так и при оценке стилистических норм лишь живое употребление языка³.

Проблема рациональности в языке и соотношения «правильности» и «обычая», «употребления» приобретает особую остроту, становится центральной в лингвистических работах XVII в. Свое воплощение принципы рационализма и универсализма получили в известной французской грамматике XVII в. («Grammaire générale et raisonnée», Paris, 1660), составленной в монастыре Пор-Рояль и оказавшей влияние на построение аналогичных грамматик в других странах. Философская рациональная грамматика, антиисторическая по самому своему существу, не учитывавшая своеобразия отдельных языков и их развития, с течением времени сдала свои позиции; последний удар ей был нанесен сравнительно-историческим языкознанием XIX в. Важно подчеркнуть, что борьба между рационалистами и эмпириками в области французской грамматики вызывалась самой общественной практикой, задачами упорядочения норм литературного языка, его развитием и обогащением.

Из истории русской науки можно использовать, как аналогичные приведенным выше, материалы о деятельности Белинского, выступившего в защиту изучения грамматики родного языка без той схоластики, без того догматизма, который насаждался в России сторонниками универсальной грамматики, например Н. И. Гречем. Хотя грамматика строится Белинским на логических началах, но в ней широко освещаются национальные особенности русского языка. Следует охарактеризовать также деятельность А. Х. Востокова, который в «Русской грамматике» (1831) пытается охватить явления русского языка во всем его стилевом разнообразии и синтаксическая концепция которого противостоит концепции Н. И. Греча.

³ См. французскую грамматику П. Рамуса [P. Ramus (Pierre de la Ramée), Gramère, Paris, 1562] и работы Л. Мерпе (L. Meigret, Le tretté de la gramèrre françoëze, Paris, 1550; ег о же, Défenses touchant le livre de l'orthographe françoëze, Paris, 1550), где есть попытки согласовать «разум» и «обычай».

Таким образом, мы видим, что одна и та же тема из истории языкознания может быть показана применительно к истории частной филологии.

Польза подобной дифференцированной подачи материала очевидна: такой метод помогает студентам лучше усвоить программу и вместе с тем обеспечивает конкретную помощь преподавателю истории данного языка со стороны лектора, читающего «Историю языкознания».

Однако построение курса «История языкознания» по указанной системе представляет значительные трудности. Во-первых, численно небольшую аудиторию неделесообразно дробить на слишком мелкие группы. Во-вторых, слишком мало лекторов, которые могут читать такой «специализированный» курс. Еще более существенным, чем вопросы организации учебного процесса или подготовки квалифицированных лекторов, является затруднение иного порядка: не все проблемы истории лингвистической мысли столь непосредственно и близко соприкасаются со специальной филологией, как тот вопрос, который был освещен нами выше. Как, например, можно для аудитории русистов связать с русским материалом споры об исторической последовательности различных морфологических типов в языке согласно идее А. Шлейхера о переходе аморфного типа в агглютинативный и дальше во флективный? Конечно, можно сказать о том, что русский язык по строю флективный, а есть языки другого морфологического строения, и различные лингвисты по-разному оценивают преимущество того или иного морфологического типа. Но будет ли убедителен такой далекий «подход» к теме и, главное, нужен ли он?

Таким образом, не все проблемы истории науки о языке могут быть непосредственно и органически связаны с материалами частной филологии. Поэтому нам представляется более целесообразным читать общий курс «История языкознания» для всех групп филологического факультета университета. Такой общий курс должен занимать 36 учебных часов. После того как студенты прослушают его, очень желательно было бы организовать ряд спецкурсов (в размере 32 учебных часов каждый) уже по отдельным вопросам истории языкознания. В них нужно учесть специализацию студентов, выделив только те вопросы, которые ближе всего касаются изучающих данный язык и которые удобно рассматривать в связи с материалом данной частной филологии. При недостатке часов придется, разумеется, ограничиться постановкой только одного общего курса «История языкознания».

При построении курса «История языкознания» необходимо учитывать его органические связи с общественно-политическими дисциплинами, особенно с историей философии.

Само собою понятно, что хорошие знания слушателей в области марксистско-ленинской философии, логики, а также истории общества дают твердую почву для усвоения всех разделов науки о языке. Лектор, читающий курс «История языкознания», постоянно вынужден обращаться к дисциплинам общественно-политическим. Не зная истории философии, невозможно разобраться в различных точках зрения по вопросу о сущности языка, взаимоотношении его сторон, путях его исторических изменений, вообще во всех тех вопросах, которые по-разному решались представителями известных в истории языкознания школ и направлений. Такая важная тема общего языкознания, как отношение логических и грамматических категорий, предполагает знание не только специфики грамматики, но и законов логики. Решение вопроса о соотношении логических и грамматических категорий в истории науки о языке зависело не только от состояния изученности явлений грамматического строя языка, но и от тех воззрений, которые господствовали в тот или иной момент в области

логики, психологии, философии. Можно отчетливо проследить, как борьба различных философских направлений находила свое отражение в борьбе различных языковедческих теорий.

В приведенном выше примере из истории грамматических идей в Англии XVII—XVIII вв. мы уже видели, как философия рационализма определила создание универсальной грамматики и утверждение идеи о тождестве законов логики и законов грамматики. Такого рода иллюстрации можно легко продолжить. Положения французских материалистов XVIII в. обусловили механистическую теорию языка де Бросса, а представления В. Гумбольдта о саморазвитии духа, находящего свое претворение в различных формах языка, тесно связаны с кантовской философией.

Особенное значение имеет анализ философских корней той или иной языковедческой теории для критики современных идеалистических течений в науке о языке. Так, например, широко пропагандируемая в современном американском языкознании методика исследования «чистого языкового факта» основывается у Л. Блумфилда и его последователей на определении языка как бесконечного ряда стимулов и реакций⁴. А это определение базируется на установках прагматической философии. Такое понимание сущности языка представителями «физикализма» в языкознании накладывает отпечаток на методику лингвистического анализа, ими применяемого, и на самый выбор проблем, которыми они занимаются. Определяя язык как реакцию индивидуума на стимул, исходящий от среды, что в свою очередь стимулирует слушателя к последующей реакции, Блумфилд выделяет лишь два разряда явлений: звуки языка и последовательную цепь стимулов и реакций. Для Блумфилда язык — явление в своей основе биологическое; он исключает тем самым язык из разряда общественных явлений. Следствием этого оказывается, с одной стороны, стремление рассматривать как равноценные языку любые сигналы, являющиеся реакцией на идущие извне стимулы (почему для «физикалистов» человеческая речь, лай собаки, световые сигналы и гудок паровоза представляются совершенно однородными явлениями), и, с другой стороны, интерес только к структурной стороне языка, взятой в синхронном разрезе. Поэтому не случайно работы американских последователей Блумфилда ограничены вопросами фонологии и описаниями морфемного состава того или иного языка. Вопросы истории языка и тем более вопросы истории языка в связи с историей народа совершенно исключаются из поля зрения «физикалистов».

Таким образом, неверное понимание самой сущности языка влечет за собой все остальные ошибочные представления американских структуралистов и определяет методику анализа языковых фактов. Определение же сущности языка, как мы видели, непосредственно вытекает из метафизической и идеалистической основы американского структурализма. Поэтому в курсе «История языкознания» необходимо не только излагать различные лингвистические теории, выдвигавшиеся представителями того или иного лингвистического направления, но и вскрывать философские корни этих теорий. Следовательно, по времени прохождения курса «История языкознания» нужно координировать с курсом «История философии».

Курс «История языкознания» соприкасается с курсом «Общее языко-

⁴ См. критику положений школы Блумфилда в статьях: О. С. А х м а н о в о й «О методе лингвистического исследования у американских структуралистов» («Вопросы языкознания», 1952, № 5, стр. 92—105) и М. М. Г у х м а н «Против идеализма и реакции в современном американском языкознании (Л. Блумфилд и „дескриптивная“ лингвистика)» («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, № 4, стр. 281—294).

знание», который должен завершать всю систему общелингвистической подготовки. Нередко высказывается мнение, что курс «Общее языкознание» должен представлять собой как бы расширенное в смысле состава изучаемых вопросов повторение курса «Введение в языкознание». Однако это совершенно неверно. Курс «Введение в языкознание» является пропедевтическим курсом не только по отношению к «Общему языкознанию», но и по отношению ко всем другим общим и специальным лингвистическим дисциплинам; задача его — дать твердое знание основных лингвистических фактов и понятий.

Изложение всех вопросов в курсе «Введение в языкознание» должно быть предельно простым. Большое внимание следует обращать на усвоение лингвистической терминологии, связанной с изучаемыми в курсе фактами языка. Нам представляется, что с точки зрения количественного разнообразия затрагиваемых вопросов курс «Введение в языкознание» может быть даже шире курса «Общее языкознание»: в последнем дается систематическое изложение только центральных вопросов теории лингвистики. Сам принцип отбора тем для указанных двух курсов различен.

Как уже было сказано, в курс «Введение в языкознание» необходимо включить все основные понятия лингвистики с объяснением терминов, к ним прилагаемых. Критически освещая идеалистические и вульгарно-материалистические взгляды на то или иное лингвистическое понятие, лектор в курсе «Введение в языкознание» никоим образом не должен давать подробную историко-критическую оценку каждой проблемы, им излагаемой, и большую часть вопросов должен преподносить лишь в их позитивном решении. Так, необходимо кратко охарактеризовать основные признаки предложения и его состав в языках разных семей, отношение предложения к суждению, основные закономерности развития предложения, но совершенно нет нужды излагать в курсе «Введение в языкознание» всю сумму споров по поводу выбора критериев для определения предложения, об отношениях между предложением и словосочетанием, или о связи предикативности и глагольности. Изложение этих споров — задача соответствующей темы курса «Общее языкознание».

Если в курсе «Введение в языкознание» описываются средства передачи грамматических значений, которыми располагает язык, и сообщается терминология, с этим связанная, то в курсе «Общее языкознание» речь идет о проблеме грамматической формы с присущим ей содержанием и о различных мнениях, существующих по этому вопросу. Иначе говоря, курс «Введение в языкознание» содержит последовательное изложение целого ряда дробных вопросов, объединяемых вокруг некоторого числа общих проблем, а в курс «Общее языкознание» включаются только узловые проблемы лингвистики с их детализацией главным образом по линии показа сложности изучаемых явлений и критикой разных путей разрешения этих проблем.

Сообразно этому распределение даже однородного материала в указанных двух курсах не совпадает. Так, о морфологической классификации языков в курсе «Введение в языкознание» уместнее всего говорить в связи с анализом формы слова и грамматических средств языка, в то время как генеалогическая классификация дается в связи с описанием сравнительно-исторического метода и понятием родства языков. В курсе же «Общее языкознание» лучше приводить вместе все существующие системы классификации языков мира, давая критику принципов, положенных в их основу, и показывая вместе с тем «рациональные зерна», наличествующие в некоторых из них. При этом предполагается, что лингвистическая карта мира и возможные структурные черты, находимые в различных языках, уже известны слушателям из курса «Введение в языкознание».

В курсе же «История языкознания» классификация языков как самостоятельная тема, по нашему мнению, не должна иметь места. Лектор будет касаться ее, говоря о взглядах братьев Шлегелей, А. Шлейхера, В. Гумбольдта на историческое развитие морфологической структуры языка; он неизбежно затронет эту тему, раскрывая понятие семьи языков и реконструкции праязыка у ряда компаративистов. Но во всех этих случаях вопрос о классификации языков не будет для него центральным, ибо и сами идеи о распределении языков мира появлялись как результат воззрений на характер развития языка или языков. Таким образом, один и тот же вопрос, например, вопрос о классификации языков, может быть дан в трех лингвистических курсах совершенно по-разному, в зависимости от целевой установки курса; в курсе «Введение в языкознание» излагаются некоторые предварительные сведения о языках мира; в курсе «История языкознания» о классификации языков упоминается лишь в связи с характеристикой деятельности отдельных лингвистов; наконец, в курсе «Общее языкознание» эта проблема выступает самостоятельно во всей ее сложности.

Непосредственной задачей курса «Общее языкознание» является систематическое изложение центральных теоретических вопросов науки о языке в соответствии с марксистским пониманием природы, структуры и методов изучения языка. Чрезвычайно важно, чтобы основные лингвистические проблемы в курсе «Общее языкознание» были даны в связи с критическим анализом различных точек зрения на эти проблемы, существовавших или существующих в науке⁵. Именно это и сближает курсы «Общее языкознание» и «История языкознания». И тут возникает вопрос «о разумной дозе» сведений из истории науки в курсе «Общее языкознание», с одной стороны, и, с другой — о характере построения курса «История языкознания».

В самом деле, ведь «Историю языкознания» можно было бы строить «по проблемам», т. е. показывать, как в различные эпохи одна и та же проблема языкознания (например, проблема происхождения языка, проблема грамматической формы и т. д.) по-разному решалась учеными. Ведь существует, на первый взгляд, довольно много «вечных» проблем в науке о языке.

Подобное построение курса «История языкознания» в значительной мере приближало бы его к курсу «Общее языкознание», приближало бы даже с опасностью смешения этих двух дисциплин. Так, например, с нашей точки зрения, принятая ныне программа курса «Общее языкознание» несколько перегружена историческим материалом, хотя, как указывалось выше, критическое освещение «истории вопроса» иногда неизбежно входит в изложение той или иной темы курса. Однако не в опасности смешения двух курсов кроются минусы изложения «Истории языкознания» по отдельным проблемам. Основной аргумент против такого изложения — разрыв самой истории развития науки о языке, невозможность установить связи ее с историей философских направлений, что, как уже было показано нами раньше, является крайне важным. Нельзя забывать также, что система лингвистических взглядов в тот или иной период истории определяет не только пути решения спорных лингвистических проблем, но и самый состав этих проблем.

В каждую эпоху ставятся на первый план такие темы, интерес к которым обуславливается всей историей развития науки. С этой точки зрения выделение тем, актуальных для той или иной эпохи, отражая связи науки о языке с историей философии, одновременно отвечает запросам языко-

⁵ Это указано и в действующей программе по курсу «Общее языкознание», автором которой является проф. А. С. Чикобава.

ведческой практики. Не случайно споры по поводу норм английской грамматики между рационалистами и эмпириками — сторонниками «практики», описанные нами выше, велись в Англии именно в конце XVII — XVIII вв. в период стабилизации норм национального литературного английского языка и в период начала экспансии английского языка, связанной с колониальными захватами Англии.

Вопросы, на первый взгляд кажущиеся однородными, в различные эпохи решаются по-разному и приобретают различный смысл из-за иного подхода к ним и иных задач, которые ставит перед собой их исследователь. Так, например, не раз возникал в науке о языке вопрос о грамматической форме и о структуре слова. Но впервые по-настоящему он был поставлен лишь в конце XVIII и особенно в начале XIX в., когда, в связи со сравнительным изучением языков, появился интерес к структурным моментам в языке. До того времени подобная проблема не выдвигалась, так как схоластическая описательная грамматика тождество формы и содержания принимала как нечто само по себе данное.

Сравнительно-исторический метод в языкознании поставил на очередь иные задачи. Для Ф. Боппа исследование морфологии было связано с его интересом к вопросу генезиса морфологических форм. Он стремился восстановить ранние структурные образцы, чтобы понять источники возникновения древнейших засвидетельствованных форм индоевропейских языков. Для всех компаративистов первой половины XIX в. флективные формы представлялись наиболее совершенным типом структуры слова и, мало того, отсутствие флективности считалось показателем отсутствия какой бы то ни было формы; отсюда и возникала точка зрения на языки, лишенные флексии, как на «аморфные», т. е. бесформенные.

Младограмматики расширили понятие языковой формы, признав равноценными любые средства выражения грамматического значения (аффиксацию, ударение, порядок слов, чередование звуков, служебные слова и т. д.). Тем самым они признали возможность сосуществования различных средств выражения в системе одного языка, возможность превалирования одного из этих приемов в том или ином языке. Допустив мысль о существовании всех этих приемов в доисторическое время, они разбили представление А. Шлейхера об обязательной исторической смене одного морфологического строя языка другим. Однако младограмматики были далеки от разрешения проблемы соотношения грамматического значения и грамматической формы, и последствия этого не замедлили сказаться в дальнейшем развитии взглядов ученых, вышедших из лона младограмматической школы.

Если для старшего поколения младограмматиков (Остгоф, Бругман и другие) флексия все же продолжала оставаться показателем наиболее совершенной грамматической структуры, то О. Есперсен, стремясь утвердить превосходство языков аналитического строя, возводит распад флексий в закон развития всякого языка. Подобные точки зрения исключают возможность подлинно исторического рассмотрения строя языка на основе анализа внутренних законов, в нем действующих и зависящих в своем действии от системы данного языка и условий его исторического существования.

В то же время другие западноевропейские лингвисты, считая любые формы передачи того или иного значения равноценными, уничтожают специфику грамматики, стирают грани между грамматикой и лексикой: все описательные способы передачи того или иного содержания и всевозможные словосочетания они безоговорочно зачисляют в грамматику и ставят их в один ряд с грамматическими способами, существующими в данном языке. Психологизм, проникший в науку о языке вместе с младо-

грамматической школой, немало способствовал созданию подобных концепций.

Таким образом, решение частных вопросов всегда было связано с общей методологической позицией того или другого языковедческого направления. Вместе с тем каждая эпоха выдвигала и некоторые новые задачи в области языкознания. Все это говорит о том, что курс «История языкознания» надо строить как хронологически последовательное критическое описание отдельных школ и направлений. Такое построение курса обеспечит показ исторического развития взглядов по различным вопросам языкознания. Однако для того, чтобы понять, как по-разному решаются одни и те же языковедческие вопросы в разные эпохи, необходимо и при хронологически последовательном изложении материала выделять некоторые узловые проблемы науки о языке. Это поможет вместе с тем вскрыть преемственность отдельных школ и направлений, показать, как человеческая мысль стремилась глубже и полнее изучить языковые факты, как боролись материалистические и идеалистические воззрения на природу языка. Таковы проблемы структуры различных сторон языка — лексической, грамматической и звуковой, связанные с пониманием этих структур методы их изучения, проблема исторической изменчивости языка и взаимоотношений языков между собой, происхождения языка и связи языка и мышления, проблемы связи языка и общества.

Обращая внимание слушателей на то, какое разрешение находила себе та или иная из вышеперечисленных проблем в различных языковедческих направлениях, хронологически сменявших друг друга, и выделяя новые для каждой эпохи проблемы языкознания, лектор сможет показать развитие науки о языке. При этом необходимо избежать двух ошибок, часто имеющих место при преподавании указанной дисциплины. Первая — это превращение истории языкознания в историю сравнительно-исторического метода. Большая часть западноевропейских пособий по истории науки о языке представляет собой не столько историю языкознания, сколько описание возникновения и развития сравнительно-исторического метода. Таковы, например, работы Дельбрюка «Введение в изучение индоевропейских языков», Педерсена «Лингвистика в девятнадцатом веке», Схрейнена «Введение в изучение индогерманского языкознания»⁶. Здесь же следует отметить и постоянное, но тем не менее ошибочное деление истории языкознания на «донаучный» и «научный» периоды. Хотя появление сравнительно-исторического метода в языкознании сыграло большую роль, стало действительно поворотным пунктом в науке о языке, не следует забывать, что в языкознании, помимо вопросов методики исторического анализа, есть и другая проблематика и что само появление сравнительно-исторического метода было подготовлено всеми предшествующими периодами развития языкознания и смежных с ним наук. Кроме того, оценка языкознания XIX в. как «научного», а всего предшествующего ему как «донаучного» умаляет роль выдающихся ученых XVII и XVIII вв., например М. В. Ломоносова; и вместе с тем она внушает слушателям мысль о «безупречности» языкознания XIX в., о правильности его методологических принципов, тогда как ясно, что лишь на основе марксистской методологии может быть создано подлинно научное языкознание.

Периодизация истории языкознания является самостоятельной темой, которая не может быть полностью освещена в рамках данной статьи. Она

⁶ B. Delbrück, *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*, 6-e Aufl., Leipzig, 1919; H. Pedersen, *Linguistic Science in the nineteenth century*, Cambridge, 1931; J. Schrijnen, *Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft*, Heidelberg, 1921.

заслуживает самостоятельного обсуждения, тем более, что ряд языковедов затрагивает ее в связи с построением различных языковедческих курсов⁷.

Вторая ошибка, тесно связанная с указанной выше, — это изложение истории языкознания как истории только западноевропейского языкознания. На этот путь малоопытного лектора толкают и существующие пособия по данному курсу (в первую очередь широко используемый у нас русский перевод работы датского лингвиста В. Томсена «История языковедения до конца XIX века»⁸ под ред. Р. О. Шор, М., 1938), где история русской лингвистической мысли, а также высказывания ученых Ближнего и Дальнего Востока почти не представлены. Не говоря уже о методологических пороках указанных выше работ, даже сам объем фактического материала, в них приведенного, совершенно недостаточен для построения полноценного вузовского курса «История языкознания». Вместе с тем самостоятельная подготовка недостающих материалов превращается для лектора, читающего курс, в кропотливую научно-исследовательскую работу, которая, разумеется, не может быть сразу проведена по всем необходимым разделам курса.

Требуют обсуждения и организационные вопросы. Первый из этих вопросов: когда целесообразнее читать курс «История языкознания»? С нашей точки зрения, его следует ставить для студентов старших семестров, но обязательно до чтения курса «Общее языкознание». Получив критическую оценку эволюции лингвистических воззрений, студент сможет глубже и полнее усвоить основные проблемы науки о языке, излагаемые в курсе «Общее языкознание». Возможность постановки лекций по истории языкознания на старших курсах (III или IV) обеспечивается наличием у студентов не только элементарных знаний по языкознанию, полученных ими при слушании курса «Введение в языкознание» на первом году обучения, но и некоторого лингвистического опыта, приобретенного при овладении языком специальности.

Составление программы по истории языкознания для филологических факультетов университетов, на основе которой можно было бы впоследствии дать варианты дополнительных спецкурсов для лиц, изучающих различные языки, должно быть первым шагом в создании условий, обеспечивающих хорошую постановку этой важной дисциплины. Нужно также переиздать ряд ставших библиографической редкостью классических работ русских ученых, имеющих большое значение для понимания развития лингвистических идей, например, работы А. А. Потебни, Н. В. Крушевского, И. А. Бодуэна де Куртене, университетский курс Ф. Ф. Фортунатова, существующий только в литографированном издании. Кроме того, необходимо оказать помощь как слушателям, так и преподавателям, читающим курс «История языкознания», изданием специальных учебных материалов.

Нужна целая серия пособий по «Истории языкознания». Недостаточно написать учебник по этому курсу, тем более, что есть все основания сомневаться в том, возможно ли вообще создать хороший учебник без предварительной монографической разработки ряда вопросов по истории отдельных лингвистических школ и, в другом плане, по истории отдельных проблем языкознания. Нам кажется, что следует начинать именно с серии подобных монографий. Вместе с тем следует издать хорошо комментированные хрестоматии по истории языкознания, разработки отдельных тем

⁷ См. Р. А. Будагов, Несколько замечаний о построении программы и курса «Общее языкознание» в университетах, «Вестник Моск. ун-та», 1952, № 7, стр. 105—114.

⁸ W. Thomsen, Geschichte der Sprachwissenschaft bis zum Ausgang des XIX Jahrhunderts, Halle, 1927.

курса в виде брошюр, критических статей о различных лингвистических теориях.

При создании всех этих пособий, так же как и в процессе чтения курса по истории языкознания, важным условием научной постановки вопроса является исторический подход к преподаваемому материалу. Необходимо критически оценить то, что было сделано тем или иным ученым, показать его ошибки и вскрыть их корни, но вместе с тем показать, что ценного и прогрессивного для своего времени содержалось в той или иной теории; осветить, как происходило накопление знаний в области науки о языке. Огульное отрицание, крикливое шельмование и беспредметная брань по поводу объекта критики, что было свойственно некоторым представителям «нового учения» о языке, ничему не научат; в вузовском курсе, призванном воспитывать студенческую молодежь, особенно важно дать образец научного анализа явлений на основе их исторического изучения.